

А.А. Илюшин

«Вчерашний день, часу в шестом...»

При жизни поэта стихотворение не публиковалось. В 1870-х годах Некрасов будто бы нашел свой клочок бумаги, исписанный карандашом, и смог разобрать лишь приведенные восемь строк. Он по памяти датировал свой текст 1848 годом. Получается, что перед нами отрывок, хотя выглядит он как законченное, связное целое. Нет ли здесь какой-то путаницы или дезинформации?

Сенная площадь в Петербурге (в 1952 году переименована в площадь Мира, недавно возвращено прежнее название) торговая. Там торговали сеном (отсюда название) и подвергали публичным телесным наказаниям обвиненных в воровстве, мошенничестве и пр. Это называлось торговыми казнями. Но так продолжалось до 1845 года, когда кнут был запрещен как слишком жестокая мера: кнутом человека, а тем более женщину, можно было убить с третьего удара, переломив хребет! Таким образом, в 1848 году Некрасов едва ли мог видеть описанное им. До 1848 — другое дело, но тоже вряд ли: скорее всего, это фантазия, а не конкретная зарисовка реального эпизода. Образность стихотворения символическая, это касается как кнута, так и Музы, даже, как окажется, двух Муз.

Кнут — символ самодержавно-крепостнической России, если смотреть на нее с позиций свободолюбия и революционности. Карамзинскую «Историю государства Российского» и гоголевские «Выбранные места из переписки с друзьями» Пушкин и Белинский критиковали соответственно за то, что в этих сочинениях, проникнутых духом монархизма и православия, авторы выступили как поборники кнута. Полежаеву принадлежат следующие стихи:

В России чтут
Царя и кнут.
В ней царь с кнутом,
Как поп с крестом.

К этому образу-символу нередко обращалась вольная русская поэзия. И только ли русская? Немецкий поэт Гейне в одном из своих стихотворений размышляет, в какую бы страну ему, эмигранту, податься. Поехал бы, пожалуй, в Россию, но там лютые морозы и кнут (die Knute, совсем как по-русски!), так что кнут остается символом России и в глазах поэта-европейца.

Истязаемая крестьянка — родная сестра Музы. Если понимать эти слова буквально, то она тоже Муза, принявшая образ русской крестьянки. Согласно древнегреческой мифологии, Музы — родные сестры, дочери Зевса, покровительницы поэзии, искусств и наук. В русской поэзии издавна сложилась традиция обращения к Музе, которая является поэту, вдохновляет его, побуждает к творчеству. В пушкинской Музе посменно угадываются черты веселой подружки, буйной вакханки, романтической всадницы, русалки, дикой цыганки, уездной барышни Татьяны Лариной (VIII глава «Евгения Онегина»). Некрасовская Муза совсем иная. Она молчит под бичом. Молчит и ее родная сестра. В этом есть нечто необычное. Ведь не поэт ей, а она ему должна была бы показать и объяснить происходящее, и тогда стихотворение могло бы закончиться так:

И Муза мне рекла:
«Гляди — Сестра моя родная»...

Но нет, Муза упорно молчит. А ее мученица-сестра молча умрет под кнутом. Почему мы так уверены, что умрет? Потому что в другом некрасовском стихотворении об этом прямо сказано:

...свой венец терновый приняла,
Не дрогнув, обесславленная Муза
И под кнутом без звука умерла.

И перед самой смертью Некрасов еще раз вспомнит свою «кнутом иссеченную Музу». Это последняя написанная умирающим поэтом строка. Образ вполне узнаваемый. Он взят из анализируемого стихотворения, написанного якобы в 1848 году. Потому и необходимо именно буквальное прочтение: родная сестра Музы, значит, тоже Муза. Такова, в сущности, предсмертная воля поэта, и она выражена со всей определенностью.

Сестра погибшей продолжала посещать Некрасова — «присмирившая», молчаливая, один раз «прибрела на костылях». Он ее «неохотно ласкал» (посвящение к поэме «Мороз, Красный нос»), когда же она все-таки оживлялась и раззадоривалась, осаживал: «Замолкни, Муза мести и печали!», «Угомонись, моя Муза задорная!»

Столь непростые и необычные отношения сложились у поэта с Музой. Но здесь стоило бы уточнить: не у поэта Некрасова, а у его лирического героя. В самом деле, «зашел я на Сенную» — кто это «я»? Реальный Николай Алексеевич не мог зайти на Сенную в сопровождении мифологического персонажа — Музы, да и на Сенной не могли бить кнутом Музу. Все выдуманно, в том числе и «я». Как Пушкин, вопреки его заявлению, никогда не сидел «за решеткой в темнице сырой» в качестве узника, как Блок не приветствовал жизнь «звоном щита», так и Некрасов не наблюдал казнь Музы в присутствии ее сестры. Во всех трех случаях — явление лирического героя, в котором выражается мироощущение и настроение автора, но который не тождествен автору.

Некрасовское стихотворение написано ямбом, нечетные строки — четырехстопные мужские, четные — трехстопные женские. Это один из стихотворных размеров, к которым охотно прибегают сочинители романтических баллад; в частности, данный размер использован в балладах Жуковского «Громобой» и «Вадим». Вот две строфы из «Громобоя»:

Чудовищ адских грозный сонм;
Бегут, гремят цепями,
И стали грешника кругом
С разверстыми когтями.

Сошлись... призывный слышу клич...
Их челюсти зияют:
Смола клокочет, свищет«бич...
Оковы разжигают.

Знакомый ритм, и также свищет бич, и вершится страшная казнь. Настоящая романтическая баллада призвана поугатать читателя чем-то небывалым, фантастическим, жутким. Но неужели некрасовское стихотворение тоже баллада? Не похоже, слишком мал объем. Однако если поверить Некрасову, что оно лишь отрывок из более крупного целого, до нас не дошедшего, то легко себе представить, что это была баллада о казненной на Сенной площади Музе, казненной на глазах своей безмолвной сестры и не проронившей ни звука перед мучительной смертью. К тому же балладная традиция в некрасовской поэзии не исчерпывается данным стихотворением.